

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФАКТОРОВ РОЖДАЕМОСТИ
ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН**

Рощина Я. М., к.э.н., доцент кафедры экономической социологии ГУ-ВШЭ
Черкасова А. Г., выпускница факультета социологии ГУ-ВШЭ в 2008 г.

Главным результатом исследования, проведенного на основе данных РМЭЗ за 2000–2005 гг., является наличие существенной дифференциации влияния социально-экономических факторов на склонность к рождению для различных категорий женщин. Таким образом, необходимо давать точную оценку, на какие именно социальные группы может оказать влияние та или иная мера стимулирования рождаемости.

Оценки регрессионных моделей показали, что большинство выявленных факторов оказывает влияние на рождаемость для таких групп женщин, как среднедоходная категория, женщины с детьми, женщины без высшего образования. Можно ожидать, что именно для них разработанные меры социальной политики будут наиболее эффективны, в то время как для групп с высокими доходами и уровнем образования более важными, возможно, окажутся нематериальные стимулы.

В настоящее время демографическая ситуация в России занимает одно из ведущих мест в ряду социально-экономических проблем государства. Демографическая ситуация в стране оценивается как неблагоприятная, в первую очередь в силу крайне низких показателей фертильности при высоких смертности. Хотя после снижения рождаемости до уровня 1,17¹ в 1999 г., с 2000 г. этот показатель медленно, но устойчиво растет, его уровень пока не достиг даже величины, необходимой для простого воспроизводства населения. Поэтому, несмотря на то, что за последние годы в России появился целый ряд работ, тестирующих значимость различных факторов для склонности семьи к рождению ребенка [Рощина Я. М., 2006; Малева Т. М., Синявская О. В., 2006; Синявская О. В., 2009 и др.], выявление стимулов повышения рождаемости остается актуальным.

Надо отметить, что проводившиеся до сих пор в России исследования детерминант рождаемости, имеют, на наш взгляд, один существенный недостаток: их объектом была вся совокупность женщин фертильного возраста, что неявно предполагает принятие предпосылки о том, что влияние тех или иных характеристик самой женщины и ее семьи на склонность к рождению ребенка одинаково как для совсем молодых женщин, так и для женщин в возрасте, как для горожанок, так и для проживающих в сельской местности, и т. д. Следствием такого подхода является недифференцированная социальная политика, направленная на повышение рождаемости. Однако если, например, для разных подгрупп женщин влияние какого-либо фактора разнонаправлено, для всей совокупности модель покажет отсутствие зависимости. Тестирование же моделей на отдельных группах женщин, возможно, позволит выявить пока неизвестные закономерности.

¹ Среднее количество детей, рожденных одной женщиной.

Таким образом, основной гипотезой данного исследования является предположение о наличии дифференцированного влияния тех или иных факторов на склонность к рождению ребенка для различных групп российских женщин. Подтверждение этой гипотезы будет важным свидетельством необходимости дифференцированной социальной политики стимулирования рождаемости с учетом особенностей каждой группы женщин. Выявление различий между степенью влияния социально-экономических и демографических факторов на рождаемость в различных категориях женщин является целью настоящего исследования, которое в той или иной мере продолжает наши предыдущие работы [Рощина Я. М., 2006].

Мы будем анализировать модели фертильного поведения для социально-экономических категорий женщин, различающихся следующими параметрами:

1. *местом проживания*: а) в городе, б) на селе;
2. *уровнем среднедушевого дохода семьи*: а) высокодоходная, б) среднедоходная, в) низкодоходная группы;
3. *возрастом*: а) до 30 лет, б) 31 год и старше;
4. *уровнем образования*: а) с высшим образованием, б) без высшего образования;
5. *количеством уже имеющихся детей*: а) с детьми, б) без детей.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование, как и наши предыдущие работы, в теоретическом аспекте опирается на экономический подход к моделированию рождаемости, основы которого были заложены Г. Беккером [Becker G., 1976]. Его главная идея состоит в том, что решение о рождении ребенка принимается семьей на основе максимизации целевой функции, включающей в том числе «ценность детей», при имеющихся бюджетных ограничениях (на доходы, время, здоровье и др.). Принципиальная ценность экономического анализа рождаемости заключается в том, что он позволяет на основе теоретических моделей предсказать влияние тех или иных факторов на склонность семьи к рождению ребенка. Основные идеи экономического подхода были изложены в нашей предыдущей работе [Рощина Я. М., 2006]; обзор основных концепций можно найти также в [Montgomery, Trussel, 1986]. Однако надо подчеркнуть, что приоритет экономической теории не означает тестирования влияния исключительно экономических факторов: так как ценность детей в наибольшей степени зависит от социально-культурных и психологических факторов, они также оказывают сильное влияние на рождаемость. Многочисленные западные исследования, а также некоторые работы на российских данных [Рощина Я. М., 2006; Малева Т. М., Синявская О. В., 2006] позволили подтвердить большинство гипотез, выдвинутых на основе экономической теории.

Тестируемая в работе эмпирическая модель в основных чертах повторяет наш подход, использованный в предыдущей работе [Рощина Я. М., 2006], однако принципиальной особенностью данного исследования является проверка значимости коэффициентов на разных подвыборках респондентов, а также другой период анализа, а именно — некоторого роста рождаемости (2000—2006 гг.). Очень важно, мы полагаем, использование модели с лагом, то есть основные характеристики женщины и ее семьи измеряются в году T , а факт рождения ребенка — в году $T+1$. Это связано с тем, что, как правило, некоторые важнейшие характеристики (в частности, занятость и доходы жен-

щины) **после** рождения изменяются в силу ухода за ребенком, поэтому некорректно использовать зависимую и независимые переменные за один и тот же год, или, более того, рассматривать факт рождения в прошлые годы.

Таким образом, как и в наших прошлых исследованиях, нами будут использованы следующие детерминанты моделей (значения для года T), которые были отобраны на основе теоретических подходов и результатов эмпирических исследований:

- характеристики женщины: возраст, уровень образования, занятость и профессиональный статус, доход, самооценка здоровья, курение и употребление алкоголя, национальность, количество уже имеющих детей, ожидания изменений благосостояния семьи в ближайшие 12 месяцев, форма брака (зарегистрирован или нет) и др.;
- характеристики партнера женщины: уровень образования, доходы, занятость и профессиональный статус, самооценка здоровья, стаж курения и употребление алкоголя, религия и национальность;
- параметры домохозяйства: наличие других взрослых членов семьи, доходы родственников, жилищные условия (количество квадратных метров на человека, наличие жилья в собственности, количество бытовых удобств и предметов длительного пользования), место жительства (город или село);
- поселение и ситуация в регионе: средние душевые доходы, уровень безработицы женщин и число детей на 100 мест в детских садах.

Хотя между характеристиками женщины и ее партнера, как правило, имеется значимая взаимосвязь, однако тест на мультиколлинеарность не показал ее наличия; правда, для моделей бинарной регрессии отсутствие мультиколлинеарности вообще не является обязательным условием хороших характеристик оценок коэффициентов.

Зависимая переменная принимает значение 1, если у женщины в следующем году родился ребенок, и 0 в противоположном случае; метод оценки — модель бинарной логистической регрессии. Регрессионные модели были оценены для всей совокупности женщин и для каждой категории женщин (см. выше) в отдельности. В силу того, что за исследуемый период (6 лет) могла смениться та группа, к которой принадлежал объект исследования (в данном случае — женщина), например, перейти в другую возрастную или доходную группу, получить более высокое образование, мы не использовали панельные регрессии, так как в этом случае в выборке остались бы только женщины, не сменившие свой статус.

В исследовании используются данные российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ²) за 2000–2006 гг. Выбранный период времени обусловлен тем, что на более ранних данных исследования рождаемости нами уже проводились [Рощина Я.М., 2006], и, кроме того, именно с 2000 г. в России наблюдается рост рождаемости, так что правомерно было бы ожидать обнаружения каких-либо новых тенденций. Панельный характер данных позволил использовать предикторы модели за период T (за 2000–2005 гг.), а зависимую переменную — за период $T+1$ (2001–2006 гг.). Объектом анализа являются женщины репродуктивного возраста (16–45 лет), проживавшие в период T в одном домохозяйстве с партнером, то есть состоявшие в зарегистрированном или незарегистрированном браке. Мы хотим подчеркнуть данное обстоятельство, так как оно, безусловно, имеет

² Подробное описание исследования РМЭЗ (RLMS) см. <http://www.cpc.unc.edu/rlms>.

существенное влияние на полученные нами результаты. В то же время отбор женщин, фактически имевших супруга, был обусловлен несколькими соображениями: во-первых, нас интересовали именно *семейные* решения о рождении, а для женщин, не состоящих в браке (включая незарегистрированный), мы не располагаем данными о ее партнере; во-вторых, среди женщин, имеющих партнера «вне домохозяйства», гораздо выше доля unplanned беременностей, что, скорее всего, повлечет влияние принципиально других факторов на принятие решения о рождении или отказе от него; в-третьих, как показали наши предыдущие исследования, наличие супруга — самый сильный фактор, влияющий на склонность женщины к рождению ребенка.

В итоге были отобраны 8914 женщин (в возрасте 16–45 лет, состоящих в браке, информация о которых есть в году T+1), совокупность которых представляет базу для оценивания моделей. В то же время в силу пропущенных значений по некоторым подгруппам женщин анализируемая совокупность будет меньше (*табл. Приложения*).

РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ ЭМПИРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Коэффициенты моделей, оцененных для всей совокупности и для различных категорий женщин, приведены в *табл. Приложения*. Все оцененные модели статистически значимы, то есть содержат коэффициенты, не равные нулю.

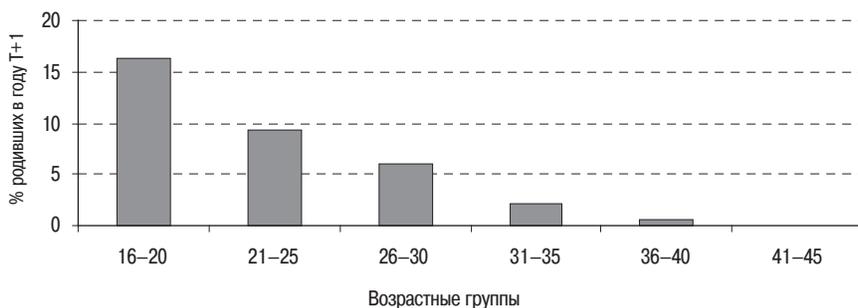
Модели для полной совокупности женщин

Рассмотрим сначала результаты регрессионного анализа для всей совокупности замужних женщин: это позволит нам сравнить их с нашими ранними исследованиями (за 1994–2003 гг.), а также оценить различия во влиянии факторов на всей выборке и на выделенных нами подгруппах.

Оценки модели для всей выборки замужних женщин фертильного возраста показали, что основными параметрами, детерминирующими фертильное поведение, являются демографические (возраст женщины, количество детей, уровень здоровья). Целый ряд экономических параметров, которые мы включили в модель исследования (занятость и профессиональный статус женщины, доходы супруга и родственников, положительная оценка уровня материального благосостояния и среднедушевые доходы семьи), не оказал ожидаемого влияния на репродуктивные установки женщин.

Вероятность рождения ребенка в году T+1 находится в обратной зависимости от такой характеристики женщины, как *возраст* (*рис. 1*). Это свидетельствует о том, что замужние женщины более склонны к рождению ребенка в начале своего репродуктивного периода, когда упущенные заработки, в связи с уходом за ребенком, наиболее низки, поскольку профессиональный статус и заработная плата женщины еще невысоки. Более того, трудовая карьера многих женщин начинается после 20 лет. Издержки же выхода на рынок труда после рождения ребенка также ниже вследствие отсутствия специфического стажа и опыта работы. Также в более позднем возрасте родов возрастают сложности со здоровьем как матери, так и ребенка. Вероятность рождения ребенка женщиной в более раннем возрасте подтверждает и позицию сторонников экономического подхода о том, что семьи желают завести детей раньше, чтобы продлить срок, в течение которого можно получать отдачу от детей (в виде материальной, физической помощи или удовлетворения эмоционально-психологических потребностей).

Рисунок 1. Доля родивших ребенка в году T+1 в различных возрастных группах замужних женщин, %

Источник: Здесь и далее: если не указано иное, использованы данные РМЭЗ (2000–2005 гг.).

Хотя на первый взгляд отсутствие квадратичной зависимости рождаемости от возраста противоречит нашим более ранним исследованиям [Рощина Я. М., 2006] и статистически наблюдаемому «постарению» рождаемости, такой результат является следствием отбора именно замужних женщин. Так как в возрастной группе 16–20 лет только около 13% женщин живут вместе со своим партнером, вполне объяснимо, что именно имеющие супруга более склонны к рождению ребенка. Кроме того, молодые партнеры могут решить жить вместе именно в том случае, если они имеют намерение родить ребенка. Хотя в раннем возрасте количество рожденных детей невелико, однако склонность к рождению ребенка выше среди замужних женщин: на их долю приходится половина фактов рождений в этом возрасте (табл. 1). Поскольку наш объект — женщины, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном браке, этим и объясняется высокая доля рождений в самой молодой возрастной группе. В то же время данные, приведенные в табл. 1, наглядно свидетельствуют о том, что в самой младшей и, особенно, самой старшей возрастной группе наиболее высоки доли детей, чьи матери в предыдущем периоде не проживали со своим партнером. Правда, к моменту рождения ребенка, возможно, их семейный статус уже изменился, так как известно, что нередко решение о браке принимается по факту незапланированной беременности.

Склонность к рождению ребенка находится в обратной зависимости от уже имеющегося у женщины количества детей в возрасте до 18 лет, проживающих в домохозяйстве, причем, как показали оценки предельных значений, данная переменная оказывает самое сильное негативное влияние на факт рождения ребенка в будущем. Таким образом, вероятность рождения ребенка в следующем году наиболее высока для бездетных женщин (иметь первого ре-

Таблица 1. Доля замужних женщин от общего числа всех женщин репродуктивного возраста, %

Возрастные группы, лет	% замужних женщин	% детей, рожденных замужними женщинами, от общего числа детей, рожденных в данном возрасте
16–20	12,8	51,4
21–25	53,2	75,3
26–30	65,8	80,8
31–35	67,3	77,1
36–40	67,1	61,5
41–45	70,9	33,3

бенка, с точки зрения существующих норм детности, является обязательным). Отрицательный коэффициент при переменной «квадрат количества детей» не совпадает с полученными нами ранее результатами [Рощина Я. М., 2006] и означает возрастающее падение склонности к рождению в семьях с увеличением количества детей, в то время как ранее мы наблюдали более высокую вероятность рождения в бездетных семьях и в многодетных. Однако табл. 2 показывает, что на самом деле вероятность рождения очередного ребенка в семьях с тремя и более детьми выше, чем в двухдетных семьях; скорее всего, данная зависимость не проявляется в регрессионной модели в силу низкой совокупности многодетных семей (3% выборки). В то же время, как мы увидим ниже, коэффициент при переменной «квадрат количества детей» незначим для отдельных категорий женщин.

Немаловажное значение при принятии решения о деторождении имеет здоровье: вероятность родить ниже у тех женщин, которые оценивали свое здоровье как «очень плохое» (коэффициент при переменной «очень плохое здоровье» оказался отрицательным). Это говорит о том, что только очень плохое здоровье лишает женщину уверенности в способности выносить ребенка и в том, что в дальнейшем у нее хватит сил поставить его на ноги. Отсутствие влияния переменной «очень хорошее здоровье» является свидетельством того, что фактор хорошего здоровья означает отсутствие ограничений, но сам по себе не влияет на позитивную склонность к рождению. Как и ожидалось, стаж курения (при контроле возраста) отрицательно влияет на вероятность рождения в будущем году ребенка: вероятно, у курящих женщин в целом ниже ценность детей, и они не задумываются о негативном влиянии курения на свое здоровье и здоровье потенциального ребенка. В то же время потребление алкоголя, существенно влиявшее на фертильность в 1990-х гг. [Рощина Я. М., 2006], перестало быть значимым фактором, что можно оценивать как позитивный в целом факт.

Наличие диплома о высшем образовании, как показывают оценки, обуславливает не меньшую, а большую склонность женщины к деторождению. Это не подтверждает постулат экономической теории рождаемости о том, что более образованные родители склонны иметь меньшее количество детей (как в силу более высокой ценности их времени, так и в силу более высоких требований, предъявляемых к качеству детей), однако подтверждает полученные ранее результаты [Рощина Я. М., 2006, табл. 20]. Значимость переменной невелика, и данная зависимость, как мы увидим ниже, подтверждается только для молодых женщин.

Доход самой женщины также положительно влияет на принятие ею решения о рождении ребенка, что противоречит основам экономического подхода к изучению рождаемости и результатам многочисленных эмпирических исследований: денежный доход женщины определяет ее потери в заработках, обусловленные перерывом в работе в связи с рождением и уходом за ребенком. Значит, чем выше доход, тем выше эти издержки. Однако, так же,

Таблица 2. Доля замужних женщин, родивших в году T+1, в зависимости от наличия детей в году T

Количество детей в году T	Доля группы в выборке, % по столбцу	Из них доля родивших в году T+1, %
Нет детей	26,6	7,75
1	49,5	2,86
2	20,7	1,20
3 и более	3,2	3,11

как и в случае с высшим образованием, будучи частью ресурсов, необходимых для содержания ребенка, доход женщины является и стимулом к рождению ребенка. Более того, высокие доходы женщины позволяют ей обратиться к услугам няни и раньше вернуться на работу.

Как и для данных прошлых лет, *занятость и профессиональный статус* женщины в 2000–2005 гг. оказались статистически незначимы. Следовательно, издержки, связанные с прерыванием работы, не выступают в качестве решающего фактора, обуславливающего отказ от рождения ребенка.

Позитивное влияние на склонность женщины к рождению ребенка оказывает ее *удовлетворенность жизнью*. При этом уверенность женщины в том, что в дальнейшем семья не будет испытывать материальных затруднений — переменная *«ожидание улучшения благосостояния семьи в ближайшие 12 месяцев»* — не оказывает должного влияния на вероятность рождения ребенка в следующем году. Объяснение в данном случае мы видим в том, что, планируя рождение ребенка, семья исходит из оценок вероятности улучшения или ухудшения материального положения на период, превышающий 12 месяцев, поскольку после рождения ребенка последует долгий период его становления, сопровождаемый многочисленными материальными расходами.

Незначимыми оказались переменные, отражающие *национальность и вероисповедание*³, что может свидетельствовать о снижении роли культурных факторов в ценности детей.

Интересным нам представляется факт, что ни один из *параметров супруга* не оказывал значимого влияния на вероятность рождения ребенка. С одной стороны, отсутствие значимости доходов супруга противоречит положению экономической теории рождаемости о позитивном влиянии доходов мужа на количество детей в семье. С другой — подобная гипотеза не была подтверждена в работах ряда исследователей [Kravdal, 1993; Рощина Я.М., 2006]. Отсутствие влияния характеристик мужа на принятие решения о рождении ребенка вовсе не означает, что данное решение женщины принимает самостоятельно, однако, скорее всего, именно ее характеристики наиболее важны. Кроме того, во многих семьях характеристики супругов (возраст, национальность, уровень образования, в некоторой степени уровень доходов) коррелируют друг с другом.

Количество других взрослых членов семьи значимо влияет на положительное решение о рождении ребенка в следующем году. Это подтверждает полученные ранее результаты и наше предположение о том, что потенциальная помощь в воспитании ребенка значима для будущей матери. При этом речь в данном случае идет именно о помощи по дому, а не о материальном факторе: уровень *доходов родственников* не увеличивает вероятность рождения ребенка.

Как показали коэффициенты регрессионной модели в нашем исследовании, переменная *«тип населенного пункта»* оказывается незначимой. Данный факт говорит о том, что разница между уровнем рождаемости женщин, проживающих в небольших городах (контрольная группа) и проживающих в селах или областных центрах, практически отсутствует. Это подтверждает распространение типичной модели рождаемости (одно-двухдетная семья) как в городе, так и на селе, тогда как раньше именно для сельской местности была характерна более высокая рождаемость в силу культурных и экономических факторов.

Реализации репродуктивных намерений, как и ожидалось, способствуют лучшие жилищные условия: вероятность рождения выше в тех семьях, где на каждого человека приходится больше *квадратных метров жилого простран-*

³ Эта переменная тестировалась только для отдельных раундов, так как вопрос о религии в последних раундах РМЭЗ не задавался.

ства и выше обеспеченность бытовыми удобствами. Первый фактор прямо влияет на возможность расширения семьи, второй позволяет облегчить уход за ребенком. Другая характеристика домохозяйства — обеспеченность *товарами длительного пользования* — судя по оценкам модели, влияет отрицательно на принятие решения о рождении ребенка, что не противоречит результатам других эмпирических исследований [Рощина Я.М., 2006], хотя и не вполне поддается теоретическому объяснению, так как, например, наличие холодильника, стиральной машины, автомобиля должны способствовать облегчению усилий по уходу за ребенком. Однако так как данный фактор отражает уровень материального благополучия семьи, это свидетельствует о том, что при прочих равных условиях более обеспеченные семьи менее склонны к рождению ребенка.

Как оказалось, в незарегистрированном браке (в момент времени T) при прочих равных условиях выше вероятность рождения ребенка (табл. 3). Хотя статистика показывает, что доля рождений в незарегистрированном браке растет, большинство рождений все же приходится на официальный брак. В то же время, согласно теории, рождение ребенка может быть одной из форм семейного капитала, укрепляющего устойчивость незарегистрированного союза либо способствующего регистрации союза. Поэтому не исключено, что ребенок сознательно рассматривается как фактор стабильности семьи. В то же время необходимо отметить, что, так как мы не отслеживаем оформленность брачных отношений в момент рождения, результат оценки модели не противоречит тому, что в официальном союзе доля рождений выше.

Ни одна из характеристик ситуации в регионе не оказала ожидаемого влияния на вероятность рождения ребенка. Оказался незначимым и набор региональных дамми-переменных, что указывает на отсутствие различий между регионами по ненаблюдаемым переменным, влияющим на рождаемость. Между раундами также не выявилось дифференциации — это говорит о том, что за последние годы склонность замужних женщин при прочих равных условиях к рождению детей существенно не изменялась.

Остановимся теперь на результатах оценки моделей для разных категорий женщин, обращая внимание на различия детерминант рождаемости по сравнению с общей (базовой) моделью.

Модели для разных социально-экономических групп женщин

Переменная «возраст» оказывает отрицательное влияние на решение о рождении во всех рассматриваемых далее моделях. В то же время квадрат этой переменной оказался незначим ни для одной из этих групп, что свидетельствует о том, что замужние женщины во всех выделенных нами категориях стремятся родить ребенка как можно раньше, чтобы минимизировать издержки по уходу за ребенком и увеличить период времени, в течение которого родители будут получать отдачу от ребенка. Отрицательный коэффициент при квадрате количества уже рожденных детей также сохраняется *почти* во всех группах (кроме женщин с высшим образованием и женщин из средней доходной группы), что подтверждает падающую вероятность рождения с ростом числа детей. Влияние прочих факторов оказалось неустойчивым,

Таблица 3. Доля женщин, родивших в году $T+1$, по форме регистрации союза

Положение женщины	Доля в совокупности	Из них % родивших в году $T+1$
Состояли в году T в зарегистрированном браке	82,7	3,3
Проживали в гражданском браке	17,3	5,9

что подтверждает основную гипотезу данного исследования о том, что разные социально-демографические и экономические факторы оказывают дифференцированное влияние на фертильное поведение в различных социально-экономических категориях женщин.

Модель для групп женщин, проживающих в разных населенных пунктах

Несмотря на то, что наличие диплома о *высшем образовании* оказалось позитивным фактором в общей модели, оно не оказывает значимого влияния на репродуктивные установки отдельных подгрупп женщин, проживающих как в городах, так и в селах. Это говорит о том, что влияние образования в общей модели в какой-то мере является эффектом объединения разнородных совокупностей, и ожидать, что с ростом уровня образования населения будет расти также рождаемость, необоснованно.

Результаты оценки моделей показали, что на селе, в отличие от города, *доходы* женщины не влияют на ее склонность к рождению ребенка, вероятно, во-первых, из-за отсутствия значительной дифференциации в уровне образования и доходов сельского населения, а во-вторых, из-за важности на селе такого ресурса, как произведенные в домохозяйстве агропродукты. В городе же дифференциация образования и, как следствие, доходов, очень высока. Однако отсутствие влияния образования при наличии влияния доходов как раз свидетельствует о том, что вклад образования в повышение склонности к рождению объясняется не культурными факторами, а именно разницей в доходах. Включение в отдельную модель фактора, отражающего *среднедушевой доход семьи*, вместо разбиения его на доходы отдельных членов семьи, показало, что для женщин, проживающих в городе, в отличие от живущих в селе, душевые доходы семьи также оказывают положительное влияние на принятие решения о рождении ребенка.

При разбиении всей совокупности женщин на две подгруппы на основании показателя «тип населенного пункта», выявилось влияние переменной *профессиональный статус*. Вероятность рождения ребенка в селе выше для женщин, занимающих должность специалиста (по сравнению с женщинами, не занятыми на рынке труда). Вероятно, это связано не столько с относительно высоким уровнем доходов женщины, сколько дает возможность доступа к нематериальным благам и услугам, облегчающим уход за ребенком (социальное обеспечение: детский сад, врач). В городе же профессиональный статус женщины — незначимый фактор.

В группе женщин, проживающих в городе, переменная «очень плохое здоровье» стоит на втором месте по силе влияния на рождаемость, тогда как для сельских жительниц это не является препятствием. Можно было бы ожидать обратной картины, так как в городе уровень медицины гораздо выше и лучше позволяет выносить и родить ребенка даже при наличии серьезных проблем со здоровьем; видимо, полученный результат отражает более высокую ответственность горожанок по отношению к будущему ребенку. *Стаж курения* не сохранил своего влияния для селянок, скорее всего, в силу малой распространенности этой привычки в сельской местности. Для горожанок же этот фактор, как мы предполагаем, является косвенным показателем более низкой ценности детей.

Вероятность рождения ребенка на селе, в отличие от города, не зависит от «количества взрослых родственников в домохозяйстве», вероятно, из-за того, что в селах более распространены сложные семьи. Кроме того, женщина на селе может иметь больше возможностей совмещать работу и уход за ребенком в силу территориальной близости дома и работы, или работая в личном

подсобном хозяйстве, а также используя реципрокные связи с односельчанами. Для женщин, живущих в городе, наличие других родственников, способных оказать помощь в воспитании малыша, учитывается женщиной при принятии решения о рождении ребенка.

Как оказалось, положительное влияние «количества квадратных метров на человека» на склонность к рождению сохраняется только для жителей села. Мы полагаем, что в силу существенной ограниченности в последние годы возможностей покупки квартиры в городе для рядовых семей, возможно, люди принимают решение о рождении ребенка вне зависимости от фактора жилой площади. *Количество бытовых удобств* также не сохранило своего влияния ни в одной группе: в городе, как правило, обеспеченность бытовыми удобствами находится на высоком уровне, в то время как низкая обеспеченность бытовыми удобствами в селах уже стала частью быта, уклада жизни сельского населения, а потому не оказывает влияния на склонность семьи к деторождению. Влияние такой переменной, как *количество товаров длительного пользования* оказалось несущественным лишь для группы женщин, проживающих в селах, возможно, в силу низкой дифференциации уровня материальной обеспеченности. В то же время, как и для всей совокупности, для горожанок этот фактор оказывает негативное влияние на склонность к рождению ребенка.

Ни *параметры супруга*, ни *региональные параметры* в обеих группах не оказались значимыми при принятии женщиной решения о рождении ребенка. Необходимо обратить внимание на тот факт, что переменная «*незарегистрированный брак*» в селах также оказывает положительное влияние на рождаемость. Исходя из этого можно предположить, что в селах институт семьи также постепенно претерпевает изменения, изменяются традиционные семейные ценности.

В целом можно сделать вывод о том, что фертильное поведение городских женщин находится под влиянием большего числа экономических факторов (доход женщины, душевой доход семьи). Это также говорит о том, что стимулирование рождаемости путем выплаты пособий скорее окажет влияние на городские семьи. В сельской же местности рождаемость скорее находится в зависимости от факторов культурно-ценностного и социального плана, обуславливающих, с одной стороны, потребность в детях, как в работниках и помощниках по хозяйству, но с другой — ограничивающих возможности отправить ребенка в детский сад, хорошую школу и т.д.

Модель для женщин разных возрастных групп

Согласно данным перекрестных распределений, которые подтверждают фиксируемые в нашей стране показатели среднего возраста матери при рождении, фертильность среди женщин в возрасте до 30 лет значительно выше: 7,7% против 0,9% женщин, родивших в возрасте после 30 лет. Таким образом, вероятность родить ребенка после 30 лет крайне мала.

В модели для замужних женщин старшего возраста оказались значимыми лишь несколько переменных — возраст и количество имеющихся детей (квадратичная зависимость). Последняя переменная, как и предполагалось, оказывает самое сильное влияние. Это говорит о том, что реализовать свою потребность в рождении ребенка среди женщин старше 30 лет стремятся почти исключительно те, кто к этому времени не имел детей, так как среди россиянок высока установка на рождение хотя бы одного ребенка. Однако репродуктивные установки падают с возрастом, так как растет риск, связанный со здоровьем ребенка, особенно первенца.

Фертильное поведение замужних женщин младших возрастов имеет мало отличий от фертильного поведения замужних женщин всей совокупности. Тем не менее некоторые отличия наблюдаются. Вероятность рождения ребенка женщиной в возрасте до 30 лет повышает наличие *высшего и среднего профессионального образования*. Также в модели для данной категории женщин выделилось влияние должностного статуса «специалиста» (по сравнению с незанятыми, при одинаковом образовании). Мы полагаем, что если молодая женщина получила профессиональное образование и занимает довольно высокую должность, это позволяет ей принять решение о рождении ребенка, хотя и при довольно высоких упущенных заработках, однако с возможностью сохранить (найти) хорошее место при выходе из отпуска по уходу за ребенком.

Рождаемость замужних женщин до 30 лет ниже в селах по сравнению с крупными городами: значимость этого факта именно для молодых женщин, то есть основной категории, вносящей вклад в рождаемость, говорит о том, что в городе в настоящее время условия для рождения и воспитания ребенка существенно лучше, чем в селе. В то же время склонность к рождению в областных центрах и других городах при прочих равных условиях одинакова. Как оказалось, при разделении женщин на возрастные группы исчезает влияние такого фактора, как *количество квадратных метров на человека*; впрочем, значимость его для всей совокупности также была невысока.

В целом, фертильное поведение женщин до 30 лет обусловлено в равной степени влиянием как экономических (доходы и должностной статус женщины, среднедушевые доходы семьи), так и социально-демографических факторов (тип населенного пункта, уровень здоровья, состав домохозяйства). Можно с уверенностью ожидать, что любые меры социальной политики будут иметь влияние практически только в группе молодых женщин, тогда как повышение доли решений о рождении второго ребенка для женщин старших возрастов, скорее всего, может произойти только под влиянием изменения ценности детей, и в частности, в реальной, а не в потенциальной потребности в двухдетной семье.

Модели для женщин с разным уровнем образования

Несмотря на то что доли замужних женщин, родивших в следующем году, как среди имеющих, так и не имеющих высшее образование в 2000–2005 гг., равны, именно на группу женщин с более низким образовательным уровнем, превосходящую по численности категорию женщин с высшим образованием, приходится почти 78% детей, рожденных за этот период (табл. 4). Таким образом, именно эта категория должна быть объектом адресной социальной политики планирования семьи.

Фертильное поведение женщин с высшим образованием находится в зависимости от небольшого числа факторов. Негативное влияние фактора, отражающего *общее число детей* женщины (линейная зависимость), свидетельствует о том, что у женщин с высоким образовательным уровнем выше издержки на воспитание детей (связанные прежде всего с перерывом в работе) и требования к качеству образования и социализации детей. Уве-

Таблица 4. Доля женщин, родивших в году T+1, по уровню образования

Уровень образования женщины в году T	Доля семей в совокупности, %	% рожденных детей	Из них % родивших в году T+1
С высшим образованием	20,6	22,2	4,0
Без высшего образования	79,4	77,8	3,7
Всего	100	100	3,8

личение количества детей непременно влечет за собой сокращение ресурсов, инвестируемых в качество каждого из них. Также в условиях детоцентризма семье хватает времени и заботы на уход только за одним ребенком. Поэтому женщины с более высоким образовательным уровнем склонны к рождению только одного ребенка (табл. 5). Хотя доходы женщины и ее супруга по отдельности являются незначимыми факторами, душевой доход семьи (в отдельной модели) оказывает положительное влияние. Высокие доходы увеличивают стоимость времени родителей и цену детей. Так как у семей с высоким образованием, как правило, выше требования к «качеству» детей, они, скорее всего, будут принимать решение о рождении, уже достигнув определенного уровня благополучия (независимо от того, отец или мать является основным кормильцем), позволяющего дать ребенку высокий уровень образования и т.д. Весьма показательно, как нам кажется, и то, что плохое здоровье не является значимым для высокообразованных женщин: скорее всего, они могут оценить возможность медицинской помощи при сложной беременности, а также могут себе позволить оплату медицинских услуг высокого качества.

Фертильное поведение женщин без высшего образования характеризуется схожим набором детерминант, по сравнению с репродуктивным поведением всей совокупности женщин, что ожидаемо, так как они представляют 80% совокупной выборки. Отличия проявляются во влиянии переменной *дохода*, которая оказалась статистически не значима при принятии решения о рождении ребенка. Скорее всего, в данном случае доход женщины действует в двух направлениях: с одной стороны, с ростом дохода женщина может позволить более высокие расходы на детей (что сказывается благоприятно на склонности к деторождению), с другой — повышается оценка ее времени, что препятствует рождению ребенка, особенно второго и третьего.

При разбиении совокупности женщин на две подгруппы по уровню образования такие показатели, как *стаж курения* и *количество бытовых удобств*, потеряли значимость для каждой группы в отдельности. Вместе с тем выявилась обратная зависимость вероятности рождения ребенка женщиной без высшего образования от типа населенного пункта: в *селах* склонность к рождению ребенка женщин с невысоким образовательным цензом ниже, чем в городах. Это еще одно проявление того факта, что среди детей, рожденных в 2000–2005 гг. в группе женщин без высшего образования, велика доля первых рождений, которые, в свою очередь, более характерны для городов. Также оказалась значимой переменная 14-го раунда: в 2005 г. по сравнению с 2000-м рождаемость среди женщин без высшего образования снизилась. Важно также, что обеспеченность жильем и незарегистрированный брак являются значимыми факторами для женщин с более низким уровнем образования, но не для высокообразованных. Мы полагаем, что именно для семей с более низким образованием вклад детей как семейного капитала в стабильность

Таблица 5. Доля первых, вторых и т.д. детей, рожденных в году T+1 женщинами с разным образовательным уровнем в году T, %

Количество детей в семье	Образование матери	
	с высшим образованием	без высшего образования
Первый ребенок	62,2	52,3
Второй ребенок	33,8	38,1
Третий ребенок	4,1	7,3
Четвертый и более ребенок	0	2,3
Всего	100	100

семьи более высок, в то время как образованные женщины имеют больше возможностей вырастить ребенка и в случае распада семьи.

Полученные результаты говорят о том, что большинство более ранних результатов о влиянии тех или иных факторов на фертильное поведение относятся к семьям, где у женщины нет высшего образования. В частности, можно ожидать, что повышение уровня медицинского обслуживания в сфере бесплатного здравоохранения поможет женщинам без высшего образования, имеющим проблемы со здоровьем, принять решение о рождении ребенка. Важной мерой социальной политики для этой категории может быть улучшение жилищной обеспеченности. В то же время чисто денежные стимулы рождаемости скорее найдут отклик среди женщин с высшим образованием.

Модели для женщин, имеющих детей, и бездетных

Согласно данным РМЭЗ, среди замужних женщин на момент опроса 26,3% были бездетны, 49% имели одного ребенка, 20,5% — двух, и лишь 4,1% — более трех детей, что говорит о все большем распространении модели однодетной семьи. РМЭЗ подтверждает также, что демографическая ситуация в России, с точки зрения рождаемости, характеризуется высокой долей первенцев в общем числе родившихся (63% среди детей, родившихся в городе, и 39% — в селе). Доля вторых рождений на селе даже выше (44%), однако в городе падает по сравнению с первенцами почти в два раза (34%). Среди всех рождений доля третьих и более детей на селе составляет почти 17%, тогда как в городе — менее 5%. Однако именно стимулирование рождения второго и последующих детей является важнейшим объектом направленности социальной политики: так, например, практика семейного капитала не применяется для первенцев.

Несмотря на то, что различия между моделями для обеих категорий женщин наблюдаются, они не касаются самых проблемно незначимых переменных — в первую очередь занятости и профессионального статуса женщины, параметров мужа и большинства региональных параметров. Для обеих моделей оказываются незначимыми по сравнению с общей моделью и такие факторы, как наличие у женщины диплома о высшем образовании, ее доходы, низкий уровень здоровья, стаж курения, количество взрослых родственников и жилищные параметры (количество бытовых удобств и товаров длительного пользования).

Согласно результатам нашего исследования, для подвыборки замужних женщин без детей, из факторов, включенных в регрессию, оказывают значимое влияние (помимо возраста) только *удовлетворенность жизнью* (как и в общей модели, влияние положительное) и *поселенческие и региональные различия*. Было выявлено, что рождаемость в северном регионе, на Волге и на Кавказе выше, по сравнению с субъектами Центрального района, в то время как ситуация в других регионах отличается несущественно. Отрицательный знак перед коэффициентом при переменной «село» говорит о том, что в *селах*, в отличие от *городов*, выше доля рождений детей второй, третьей и последующей очередности, в городах же более распространена модель однодетной семьи. Также на вероятность рождения первого ребенка оказывает влияние *удовлетворенность жизнью*: желание родить ребенка при неблагоприятных условиях едва ли возможно.

Столь небольшое количество детерминант можно объяснить тем, что согласно норме детности, женщина должна родить «не менее одного ребенка» [Малева Т.М., Синявская О.В., 2006]. Таким образом, к рождению первенца стремятся все семьи независимо от их социально-экономических и демографических параметров: этот результат абсолютно повторяет полученный нами ранее для более ранних периодов [Рошина Я.М., 2006].

Рождение последующих детей, напротив, зависит от большего набора факторов. С наибольшей силой на вероятность рождения ребенка в категории женщин с детьми влияет количество имеющихся у женщины детей, далее по силе влияния на рождаемость следуют возраст и здоровье будущей матери. Среднедушевые доходы семьи и доходы мужа, как и в целом характеристики супруга, оказались статистически незначимы, что может объясняться тем, что с одной стороны, размер доходов прямо влияет на способность семьи содержать ребенка, а с другой — если расходы на обеспечение детей превышают доходы, то влияние доходов статистически не значимо.

Большинство факторов, выступающих детерминантами фертильного поведения в общей модели, сохранили свое влияние и для группы женщин с детьми:

- негативно влияют возраст, количество уже рожденных детей (квадратичная зависимость), низкий уровень здоровья;
- позитивное влияние оказывают высшее образование, удовлетворенность жизнью, доходы жены и родственников, количество других взрослых членов семьи, количество квадратных метров на человека и незарегистрированный брак.

Таким образом, действительно, на решение о рождении первенца для замужних женщин оказывает влияние небольшое количество факторов, в то время как вероятность рождения второго и последующих детей в значительной степени находится под воздействием целого ряда экономических и социально-демографических детерминант. Это дает возможность развития социальной политики, направленной на рост рождаемости именно в семьях, уже имеющих детей.

Модели для групп женщин с разными доходами

Как показывают данные РМЭЗ, распределение количества рождений по трем группам женщин, выделенных на основании уровня душевого дохода семьи⁴, несколько неравномерно (*табл. б*): так, коэффициент рождаемости в самой высокодоходной группе был самым высоким. Таким образом, хотя душевой доход семьи при прочих равных условиях не является детерминантой рождаемости (как показывают оценки модели для всей совокупности женщин с включением параметра «душевой доход» вместо доходов отдельных членов семьи), тем не менее в начале 2000-х гг. именно вклад семей с высокими доходами в долю рожденных детей был наибольшим.

Однако среди рождений в высокодоходных семьях — две трети приходится на первенцев, и еще 30% — на вторые рождения (*табл. 7*), тогда как вероятность рождения третьего или четвертого ребенка практически сходит на нет. В то же время в низкодоходных семьях доля первых детей составляла почти 38%, вторых — почти 46%, третьих — 12,5%, четвертых и более — 4%. Таким образом, многодетные семьи почти целиком сосредоточены в низкодоходной группе, что, разумеется, только усиливает их материальные проблемы. Этот факт подтверждает гипотезу сторонников экономического подхода к рождаемости о том, что высокий уровень дохода обуславливает не большее, а меньшее количество рожденных детей в семье.

В модели для высокодоходной группы женщин лишь немногие факторы оказались значимыми. Это говорит о том, что в данной категории, равно как и в группах женщин в возрасте после 30 лет и с высшим образованием,

⁴ Семьи были проранжированы по уровню душевого дохода и разделены на три примерно равные процентные группы.

Таблица 6. Доля детей, родившихся в году T+1, в семьях с разным уровнем дохода, %

Уровень дохода	Доля семей в совокупности, %	Из них доля родивших в году T+1, %	% рожденных детей
Низкодоходная группа	36,9	3,1	30,2
Среднедоходная группа	29,4	3,4	26,4
Высокодоходная группа	33,7	4,8	43,4
Всего	100,0	3,8	100,0

Таблица 7. Доля первых, вторых и т. д. рождений, приходящихся на семьи с разными доходами, %

Количество детей в семье	Низкодоходная группа	Среднедоходная группа	Высокодоходная группа
Первый ребенок	37,5	53,6	67,4
Второй ребенок	45,8	38,1	30,4
Третий ребенок	12,5	8,3	1,4
Четвертый и более ребенок	4,0	0,0	0,7
Всего	100	100	100

на вероятность рождения ребенка в году T+1, оказывают влияние в первую очередь не экономические, и даже не социально-демографические факторы, а, скорее всего, ненаблюдаемые в данной модели культурные ценности, субъективные установки и психологические характеристики женщин.

Из набора факторов значимыми (помимо возраста) для этой категории оказались лишь:

- *руководящий пост* женщины, влияющий отрицательно на ее склонность к деторождению, поскольку он, видимо, не предоставляет возможности совмещать уход за детьми и работу (высокая загруженность служебными делами);
- проживание в *селе*, сказывающееся негативно на вероятности рождения ребенка в следующем году, так как, скорее всего, при одинаковом абсолютном уровне дохода сельские семьи ощущают себя более материально обеспеченными;
- *количество бытовых услуг*, имеющее обратную связь с рождаемостью, является, как мы полагаем, в данном случае отражением скорее факта проживания в небольшом городе или селе.

Важно, что количество уже имеющихся детей в данной модели (единственной) оказалось незначимым. Это говорит о том, что хотя в семьях с высоким доходом в большинстве своем рождаются первенцы, само по себе количество детей не является ограничителем: скорее всего, так происходит потому, что доля многодетных семей в этой группе очень низка. Незначим и факт неофициального статуса брака, что, как мы полагаем, можно объяснить так же, как для группы женщин с высоким уровнем образования.

Рассмотрим теперь детерминанты рождаемости в других двух группах — низкодоходной и среднедоходной.

Образование оказывается статистически значимым только в среднедоходной группе. Отсутствует влияние на фертильное поведение женщин из низко- и среднедоходной групп обеспеченности товарами длительного пользования и количеством бытовых услуг, а также самооценки здоровья и стажа курения женщины. *Доходы* женщины являются позитивным фактором только в среднедоходной группе.

Количество детей у женщины по-разному влияет на фертильность в каждой группе. В низкодоходной группе эта зависимость квадратичная, причем ее форма говорит о том, что в этой группе более высокую рождаемость следует ожидать для семей с 1–2 детьми, а не в многодетных или пока бездетных семьях. Такая модель не совпадает с результатами для всей совокупности женщин, полученными ранее. В среднедоходных семьях зависимость от количества уже имеющихся детей линейная и отрицательная: это говорит о том, что для этих семей в связи с ограниченностью ресурсов семьи на каждого последующего ребенка становится все сложнее изыскать средства, время и силы. Более того, рождение последующего ребенка будет снижать его «предельную полезность», поскольку, чем больше у женщины детей, тем с большей вероятностью ее потребность в детях уже реализована.

Интересен тот факт, что на фертильное поведение женщин из низкодоходной группы отрицательно влияет такая *характеристика мужа*, как его доход. Согласно экономической теории рождаемости, доходы мужа должны являться наиболее важным источником ресурсов, инвестируемых в человеческий капитал детей, и потому должны влиять положительно. Отсутствует также влияние *доходов проживающих в домохозяйстве родственников* на склонность семьи к деторождению, в то время как в среднедоходной группе, наоборот, доходы родственников оказывают влияние (квадратичная зависимость, коэффициент при квадрате дохода положительный). На наш взгляд, эти результаты свидетельствуют о слабых требованиях к «качеству» детей в низкодоходных семьях. Напротив, получается, что малообеспеченных семьях (и, как правило, с низким уровнем образования родителей), чем меньше доходы (мужа и других родственников), тем меньше супруги задумываются о том, на что они будут растить очередного рожденного ребенка.

Количество взрослых членов в низкодоходных семьях оказалось незначимо, в отличие от среднедоходной группы: это также говорит о том, что в семьях со средним достатком важнее фактор помощи, возможности воспитания ребенка на должном уровне, и решение проблемы возвращения женщины к работе.

Переменная, отражающая *количество квадратных метров жилья на человека*, имеет влияние только в низкодоходной группе: вероятно, только ограниченность этого ресурса может оказать важное значение в ограничении рождаемости, так как в данной доходной группе, на наш взгляд, нет необходимости стимулирования фертильности: дети в этих часто многодетных семьях наиболее подвержены бедности, и кажущееся решение одной социальной проблемы вызывает другие.

В модели для среднедоходной группы проявилось влияние такого регионального параметра, как *уровень безработицы*. Отрицательный знак при коэффициенте указывает на то, что отсутствие работы, а следовательно, и отсутствие доходов, ведет к существенному ограничению возможностей семьи инвестировать в человеческий капитал детей, поэтому регионы, где выше уровень безработицы, характеризуются меньшим уровнем рождаемости. Последний набор переменных, оказавшихся статистически значимыми — фиктивные переменные номера раунда. С 2002 г. по конец наблюдаемого периода в среднедоходной группе число рождения по факту значительно превышало данное число в 2000 г.

Таким образом, склонность среднедоходных семей к деторождению находится в прямой зависимости от большего числа экономических факторов (доходы жены, родственников). В модели для низкодоходной группы большинство факторов оказывают отрицательное влияние на склонность к рождению. Репродуктивные же установки женщин из высокодоходных семей оказыва-

ются под влиянием лишь небольшого числа факторов, что свидетельствует о более низкой значимости экономических характеристик для этой группы.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗРАБОТКЕ МЕР СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Согласно нашему анализу, основными параметрами, детерминирующими фертильное поведение замужних женщин в 2000–2005 гг., по-прежнему являются демографические (возраст женщины, количество детей, низкий уровень здоровья) и социальные (образовательный уровень, удовлетворенность жизнью). Целый ряд экономических параметров, которые мы включили в модель (занятость и профессиональный статус женщины, доходы отдельных членов семьи, оценка уровня материального благосостояния, ожидание изменения благосостояния семьи), не оказал ожидаемого влияния на репродуктивное поведение женщин, что в целом подтверждает результаты, полученные на более ранних данных [Рощина Я.М., 2006].

Однако мы полагаем, что главным результатом нашего исследования является сам факт обнаружения существенной дифференциации влияния социально-экономических факторов на склонность к рождению для различных категорий женщин. Это говорит о том, что необходимо давать точную оценку, на какие именно социальные группы может оказать влияние та или иная мера стимулирования рождаемости, а также специально разрабатывать дифференцированный подход, как, например, это было сделано при введении «материнского капитала» (стимулирование вторых и последующих рождений). Исследования подтверждают, что рождение первого ребенка чаще всего принимается семьей вне зависимости от многих ограничений (в том числе на доходы и жилье), так как существует установка на обязательность хотя бы одного ребенка в семье, и, кроме того, ребенок как часть семейного капитала является важным фактором стабильности семьи, что осознается родителями. Однако немаловажным может оказаться также понимание последствий для здоровья отказа от рождения в случае незапланированной беременности. В то же время решение о рождении второго и последующих детей принимается под влиянием большего количества ограничений, в том числе и материальных.

В соответствии с результатами оценки моделей, предоставление государством возможностей для улучшения жилищных условий (удовлетворение потребности семей в дополнительных метрах площади, возможность доступа к базовым коммунальным услугам), повышение благосостояния семьи (дополнительные материальные средства в виде пособий, льгот), будут способствовать увеличению рождаемости, поскольку плохие жилищные условия и низкий уровень материального положения семьи являются барьером на пути к росту рождаемости. С другой стороны, введение данных мер по-разному может отразиться на рождаемости среди женщин разных возрастов, уровней достатка и образования, и т.д.

Так, снятие напряженности, вызванной дефицитом жилой площади, увеличит вероятность рождения ребенка в группах женщин, проживающих в селе, без высшего образования, с детьми, и принадлежащих низкодоходной группе. Таким образом, данная мера приведет к увеличению рождаемости в основном в сельской местности, характеризующейся меньшей долей женщин с высшим образованием, большим числом многодетных семей с низкой материальной обеспеченностью. Улучшение материального положения семьи отразится на увеличении склонности к деторождению среднедоходных семей,

проживающих в городе, а также женщин до 30 лет с высшим образованием. Позитивное воздействие на уровень рождаемости в группах женщин, проживающих в городе, до 30 лет, без высшего образования, с детьми, может оказать повышение качества бесплатного медицинского обслуживания, что позволит решиться родить ребенка женщинам с проблемами со здоровьем. В то же время необходимо учитывать опасность роста рождаемости в социально-неблагополучных категориях населения.

Однако, как мы отмечали в наших предыдущих работах [Рощина Я.М., 2006], очевидно, что пока культурные факторы и установки (ненаблюдаемые в нашем исследовании), а также демографические характеристики семьи остаются более значимыми факторами ограничения рождаемости, чем экономические ресурсы. Как мы видели, наиболее значительное число факторов оказывает влияние на рождаемость для таких групп женщин, как среднедоходная категория, женщины с детьми, женщины без высшего образования. Можно ожидать, что именно для них наиболее влиятельными будут разработанные меры социальной политики, в то время как для групп с высокими доходами и уровнем образования более важными, возможно, окажутся нематериальные стимулы.

ЛИТЕРАТУРА

Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. №11. С. 61–72.

Головяницкая Е.Б. Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе: Сб. аналитических статей. Вып. 1. / Под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С. 217–251.

Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. №5 (Осень-зима). С. 70–97.

Рощина Я.М. Моделирование факторов склонности семьи к рождению ребенка в России // SPERO. 2006. №5 (Осень-зима). С. 98–133.

Синявская О.В. Вклад репродуктивных намерений в объяснение рождаемости в современной России. Презентация доклада на семинаре Лаборатории исследований рынка труда, ГУ-ВШЭ, 2 июня 2009 г.; <http://www.hse.ru/data/201/157/1240/20090602-Sinyavskaya.pdf>.

Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщины на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе: Сб. аналитических статей. Вып. 1 / Под. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007.

Шульц Т. Ценность детей // THESIS. 1994. №4. С. 37–49.

Becker G. An Economic Analysis of Fertility // The Economic Approach to Human Behavior. — Chicago — London: The University of Chicago Press, 1976.

Becker G.S., Lewis G. On the Interaction between the Quality and Quantity of Children // The Journal of Political Economy. 1973. (March — April) Vol. 81. №2. Part 2. S270 — S288.

Grossman M., Joyce T.J. Unobservables Pregnancy Resolutions, and Birth Weight Production Functions in New York City // The Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. №5. S983 — S1007.

Kravdal O. Sociodemographic Studies of Fertility and Divorce in Norway with Emphasis on the Importance of Economic Factors // THESIS. Statistics Norway. — Oslo, 1993. P. 12–54.

Montgomery M., Trussel J. Models of Marital Status and Childbearing, Handbook of Labour Economics 1, Ch. 3 / Elsevier Science Publishers BV. 1986. P. 220–225, 242–263.

Willis R.J. A New Approach to the economic Theory of Fertility Behavior // The Journal of Political Economy. 1973. (March-April) Vol. 81. №2. Part 2. S14 — S64.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Моде-ли бинарной логистической регрессии для полной совокупности женщин и для различных социально-экономических групп женщин

Показатели	Вся совокупность		Тип поселения		Возраст		Образование		Наличие детей		Душевые доходы		
		город	село	до 30 лет	31 год и старше	с ВО	без ВО	да	нет	низкие	средние	высокие	
Характеристики женщины													
Возраст	-0,271***	-0,276***	-0,309***	-0,294***	-0,354***	-0,303***	-0,261***	-0,109***	-0,238***	-0,248***	-0,308***	-0,306***	
Среднее профессиональное образование	0,409	0,326	0,400	0,617**	-0,915			-0,159	-0,043	0,345	0,424	0,473	
Высшее образование	0,632*	0,601	0,843	0,683*	0,660			0,006*	0,746	1,029	0,191*	1,060	
Профессиональный статус (база – не работает)													
Руководитель	0,301	0,069	0,014	0,480	-0,227	-0,014	0,667	0,773	-0,484	0,440	-15,249	-1,610**	
Специалист	0,385	0,121	1,129*	0,468*	-0,153	0,712	0,475	0,314	0,362	-0,023	0,708	0,431	
Служащий	0,457	0,477	0,480	0,628	-0,686	0,194	0,474	0,298	0,218	0,112	0,320	1,032	
Рабочий	0,016	-0,039	-0,164	0,093	-0,791	0,421	-0,064	0,463	0,062	-0,550	0,328	0,141	
Национальность: народы Кавказа (база – славяне)	0,271	-0,385	1,575	0,512	-15,957	0,936	-0,063	0,502	1,509	2,196	2,160	-1,265	
Национальность: Другие	-0,168	-0,050	0,407	-0,150	-1,484	-1,901	0,019	0,138	-0,380	-0,041	0,508	-0,147	
Удовлетворенность жизнью в целом	0,382***	0,380***	0,497***	0,398***	0,473	0,310	0,400***	0,367***	0,287*	0,480***	0,353**	0,313	
Удовлетворенность материальным положением	0,102	0,208	-0,060	0,096	0,154	0,160	0,061	0,097	0,055	0,080	0,064	0,182	
Доход /1000	0,073**	0,109**	0,039	0,121*	-0,031	0,099	0,058	0,033**	0,019	0,358	0,671*	0,041	
Квадрат дохода /1000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000*	0,000	
Количество уже имеющих детей	-4,138***	-5,292***	-4,592***	-4,264***	-5,281***	-3,862**	4,618***	9,442***		4,232***	-5,650***	28,507	
Количество детей в квадрате	-0,720***	-1,096***	-0,733***	-0,721***	-1,136*	-0,794	-0,804***	-1,789***		-0,614***	-0,879	-8,948	

Продолжение таблицы

Показатели	Вся совокупность	Тип поселения		Возраст		Образование		Наличие детей		Душевые доходы		
		город	село	до 30 лет	31 год и старше	с ВО	без ВО	да	нет	низкие	средние	высокие
Очень хорошее здоровье (база – средняя самооценка здоровья)	0,103	0,503	-0,206	0,026	1,161	0,500	-0,046	-0,519	-0,229	-17,764	-17,535	1,680
Очень плохое здоровье	-3,807**	-4,211**	-12,118	-4,470**	-11,810	-13,190	-3,762**	-15,211*	0,779	-10,209	-11,803	5,456
Стаж курения (для некурящих = 0)	-0,062*	-0,044**	-0,230	-0,095**	0,006	-0,086	-0,067	-0,031	-0,102	-0,130	-0,018	-0,061
Потребление алкоголя ^б	-0,003	-0,003	0,008	-0,002	-0,021	-0,009	-0,003	-0,007	-0,012	-0,006	-0,003	-0,006
Грамы чистого алкоголя в месяц в квадрате	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Характеристики супруга												
Муж старше жены более чем на 5 лет	-0,142	-0,492	0,492	-0,199	-0,133	0,044	-0,198	0,061	-0,506	0,298	-0,548	-0,299
Среднее профессиональное образование	-0,123	-0,214	-0,142	-0,140	-0,054	-0,697	-0,015	0,155	-0,907	-0,940	-0,067	0,014
Высшее образование	0,223	0,195	0,417	0,308	-0,273	-0,535	0,526	0,283	0,010	0,412	-0,163	0,448
Профессиональный статус (база – не работает)												
Военнослужащий	0,531	0,287	0,598	0,329	1,064	0,413	0,711	0,486	0,595	-17,310	1,534	0,579
Руководитель	0,102	-0,205	0,355	-0,296	0,786	-0,705	0,427	0,590	-0,993	-16,698	0,268	0,272
Специалист	0,041	-0,380	0,127	-0,193	0,652	-0,085	0,007	0,067	-0,583	0,935	-0,190	-0,333
Служащий	0,560	0,152	0,703	0,519	0,230	0,636	0,635	0,489	0,561	-0,118	0,098	0,948
Рабочий	-0,033	-0,564	0,419	-0,129	0,163	-0,278	0,129	-0,149	0,187	0,391	-0,796	-0,058
Национальность: народы Кавказа (база – славяне)	-0,795	-0,406	-2,629	-0,649	-15,834	0,301	-0,982	-0,345	0,309	4,108	-1,982	1,146
Национальность: другие	0,045	0,029	-0,696	0,057	0,169	2,162	-0,421	0,101	0,483	-0,097	0,254	0,564
Доход /1000	-0,009	-0,010	-0,005	-0,002	-0,037	-0,054	-0,025	0,013	0,003	-0,277**	-0,010	-0,032

Окончание таблицы

Показатели	Вся совокупность	Тип поселения		Возраст		Образование		Наличие детей		Душевые доходы		
		город	село	до 30 лет	31 год и старше	с ВО	без ВО	да	нет	низкие	средние	высокие
Кавказ	0,174	-0,083	0,445	0,306	0,005	0,432	0,208	-0,181	1,740**	0,327	0,100	0,592
Урал	0,015	-0,066	0,084	0,070	-0,001	-0,172	0,232	-0,413	0,479	0,049	-0,801	0,102
Западная Сибирь	0,294	-0,037	0,626	0,386	0,124	-0,579	0,391	0,029	0,865	0,762	0,942	-0,243
Дальний Восток	-0,050	-0,255	-0,077	0,161	-1,233	0,502	-0,454	-0,232	-0,457	-0,678	0,572	0,170
Число детей на 100 мест в детских садах	0,002	0,002	0,007	-0,001	0,012	-0,002	0,003	0,007	0,005	0,006	0,002	0,006
Уровень женской безработицы по региону	-0,023	-0,004	-0,045	-0,026	0,044	-0,052	-0,025	-0,006	-0,114	0,004	-0,180*	-0,046
Средние душевые доходы по региону / 1000	-0,042	-0,039	-0,203	-0,044	-0,042	0,064	-0,068	0,017	-0,007	0,010	0,012	-0,057
2001 год (база - 2000 г.)	-0,006	0,577	-1,072	-0,202	2,231	0,627	-0,172	0,237	0,310	0,047	1,289	0,594
2002 г.	-0,107	0,526	-0,911	-0,363	2,721	0,121	-0,246	-0,340	-0,451	0,167	2,213**	0,200
2003 г.	0,022	0,418	-0,450	-0,201	2,562	0,393	-0,118	0,406	0,355	-0,063	3,480***	0,117
2004 г.	-0,269	0,255	-0,324	-0,512	2,079	0,886	-0,598	-0,182	-0,047	-0,930	3,103**	1,077
2005 г.	-0,577	-0,139	-1,487	-0,797	1,644	1,097	-1,183*	-0,877	-0,508	-0,901	5,146***	0,312
Константа	-0,588	-0,765	-1,523	-0,779	-0,380	6,983	-2,034	-1,768	5,391	-7,648	-1,817	-12,529
Душевой доход семьи /1000*	0,033	0,039***	0,001	0,044***	0,030	0,037**	0,036	0,002	0,012			
Численность группы	8914	5579	3252	3762	5152	1830	7074	6232	2347	3124	2494	2857

Источник: Данные РМЭЗ, 2000–2006 гг.

Примечание: Во всех моделях: * — значимый коэффициент при 10%-ном уровне; ** — значимый коэффициент при 5%-ном уровне; *** — значимый коэффициент при 1%-ном уровне.

— Переменная была протестирована в отдельных моделях, не включающих доходы отдельных членов семьи.

§ — потребление алкоголя приведено в пересчете на граммы чистого алкоголя в месяц.